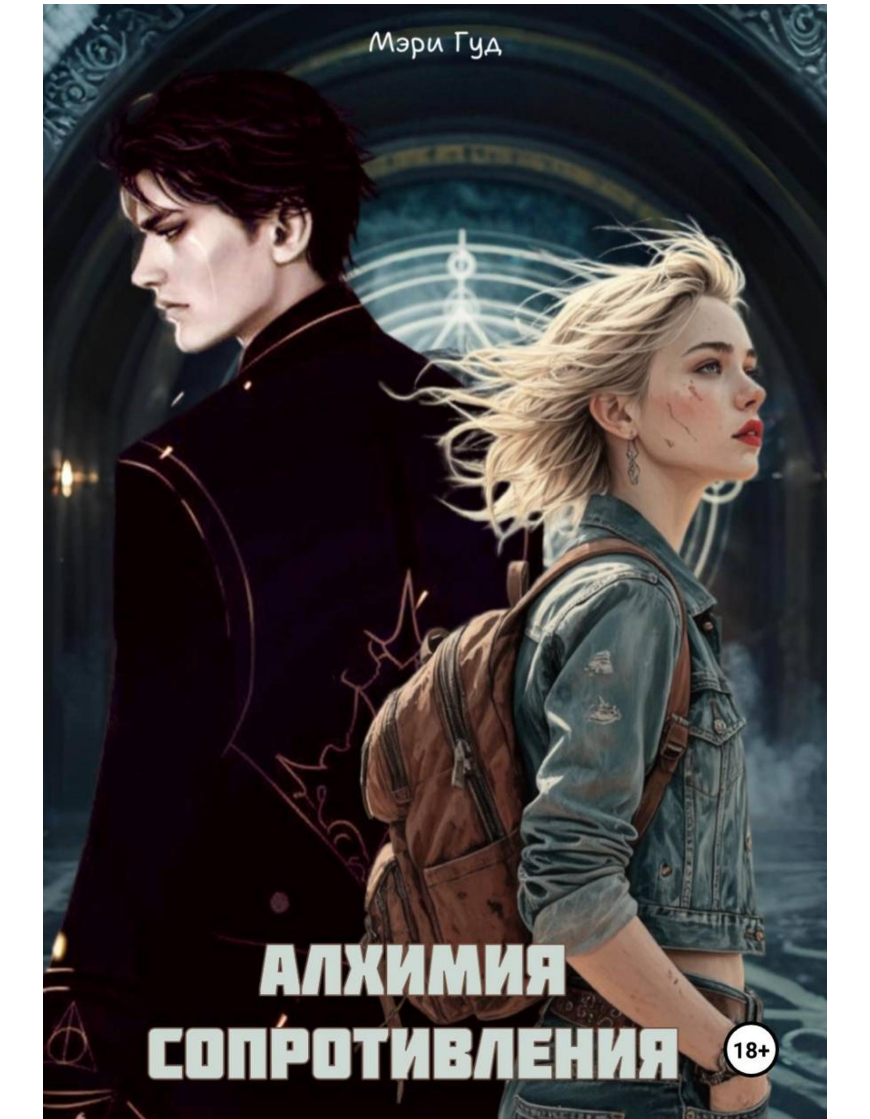

Мэри Гуд

**АЛХИМИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

18+

Мэри Гуд

Алхимия сопротивления

<https://litres.ru/73189303>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он - элитный государственный алхимик, живущий по строгим законам, в которые сам обязан верить. Она - девушка из глухой провинции с редким даром, который делает её мишенью для всех враждующих сторон.

Их встреча случайна, но союз неизбежен. Ему приказано её контролировать. Ей нельзя ему доверять. Но когда вокруг плетутся интриги, а страну раздирает противостояние повстанцев и власти, у них остается только один выход: довериться друг другу, чтобы выжить.

Смогут ли они пройти испытания, уготованные судьбой, и разглядеть за масками алхимика и целительницы тех, кто создан друг для друга? Ведь ставки высоки, но сердцу не прикажешь...

Содержание

Преобразование 1	9
Преобразование 2	24
Преобразование 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мэри Гуд

Алхимия сопротивления

Истинный урок рождается в страдании.

Невозможно что-либо получить,

не принеся жертвы.

Однако, преодолев страдания,

ты выкуешь в себе сердце,

прочнее любого металла.

Сердце из чистой стали.

ЦОГА

Законы алхимии великого государства Арония

1. Закон равноценного обмена
2. Закон первичности материи
3. Закон алхимического круга преобразования

Ограничения (Нарушители преследуются по закону)

1. Человеческая трансмутация запрещена
2. Создание химер запрещено
3. Связывание души запрещено

Законы алхимии великого государства Арония

Первый и самый главный закон алхимии – это закон равноценного обмена.

Если алхимик желает что-то получить, он должен пожертвовать нечто равноценное.

Второй закон гласит, что невозможно создать из одного вещества совершенно от него отличное. Только используя материю вокруг, те элементы, из которых она состоит, можно преобразовать её и превратить в нечто новое. Однако невозможно создать что-то из пустоты.

Третий и последний закон гласит, что невозможно совершить преобразование без алхимического круга.

Существует и три ограничения алхимии, принятых в великом государстве Арония. Нарушение этих ограничений преследуется по закону и карается смертной казнью.

Первое ограничение: запрет на преобразование человека. Любые попытки воскресить мертвых запрещены.

Второе ограничение запрещает проводить преобразование или трансмутацию с участием людей. Эксперименты над людьми и животными, создание химер незаконно.

Третье ограничение алхимии запрещает связывать души. Запрещено связывать душу человека с неодушевлённым предметом.

Центральный Объединённый Город Аронии (ЦОГА)

ЦОГА

Вниманию жителей великого государства Арония!

Любой человек, открывший в себе способности к алхимии, обязан уведомить об этом власти и незамедлительно встать на учет в Центральном Объединённом Городе Аронии (ЦОГА).

После постановки на учет алхимик подлежит тестированию и распределению на обучение в Государственную Военную Академию.

После обучения алхимик поступает на обязательную службу во благо великого государства Арония и исполняет свой долг до конца жизни или до того момента, когда глава государства не посчитает долг исполненным и не даст алхимику государственную отставку.

**Все незарегистрированные алхимики
преследуются по закону!**

Все дезертиры преследуются по закону!

Листовка подготовлена Государственной Военной Академией ЦОГА
Для свободного распространения

Преобразование 1

Власти города Сэттлбург объявляют о комендантском часе!

В связи с участившимися случаями пропажи граждан города полиция вводит следующие меры:

- Нахождение на улице без специального пропуска с 21:00 до 07:00 незаконно.*
- Нарушителей ожидает штраф.*
- Повторных нарушителей ожидает заключение под арест на срок до 3 суток.*

Просим граждан города Сэттлбург проявить бдительность и гражданский долг. Полиция делает всё для поддержания безопасности.

Медя отложила газету. «Давно пора», – подумала она. Из города уже как полгода исчезают жители, а правоохранительные органы и пальцем не шевелят. Конечно, Сэттлбург – всего лишь один из небольших и весьма удалённых от столицы городков. Захолустье, так его называют редкие приезжие. Но люди, живущие здесь, ничем не хуже столичных. «Так почему наша полиция так сильно отличается от полиции ЦОГА?»

– Мисс Стрэйт, – отвлек ее от раздумий хозяин бара, – хорош прохладиться. Заказ готов.

Девушка не очень любила, когда к ней обращались по фамилии. Медея Стрэйт, или просто Миди, но это официальное «мисс Стрэйт» выводило из себя.

Миди отнесла заказ за столик и вернулась на своё место. Люди в баре обсуждали комендантский час, и нельзя сказать, что были слишком довольны. Полиция лишь делала вид, что работает, и все это понимали. Давно из их города исчезают люди, и ни одного из них до сих пор не нашли. Общих признаков у пропавших нет: без следа исчезают как старики, так и дети, женщины, мужчины – совершенно ничего общего. А потому каждый боится однажды исчезнуть точно так же. Без следа.

Медея прислушалась к разговору за соседним столиком. Рабочие с местного завода обсуждали, что полиция наконец начала шевелиться только из-за того, что из столицы к ним едет комиссия. Девушка прислушалась внимательнее. «Так, значит, власти наконец обратили внимание на нашу дыру?» Мужчины говорили о том, что ревизоры едут специально для проведения инспекции и помощи местной полиции. «Что ж, хотелось бы верить, что это поможет».

Городок Сэттлбург был родным для Медеи. Она жила в нём с самого детства. Городок был совсем небольшой, и подростком она мечтала сбежать из него. Столица, возделенный централ, как его звали городские, Центральный Объединенный Город Аронии или ЦОГА, манила своей красотой и богатством. Однако переехать не вышло. Вскоре после того,

как ей исполнилось четырнадцать, родители погибли при исполнении. Они оба были военными врачами. Медея не часто видела отца, он пропадал в долгих командировках, потом его сменяла мама. Редко Миди заставляла обоих дома. Но они были самыми лучшими родителями на свете.

В те тяжкие времена ей пришлось резко повзрослеть, ведь в четырнадцать лет Миди стала сиротой. На руках у нее остался её младший брат Джонни. Хорошо, что в городе все друг друга знают, и хозяин таверны предложил ей работу. Старик Томас принял ее на должность официантки, хоть ей и не исполнилось семнадцати, и платил неплохо. В Аронии запрещалось работать тем, кто не достиг совершеннолетия. Однако, за исполнением законов следили ближе к центру, а в далеком Сэттлбурге, почти у самой восточной границы, всем было плевать. Миди смогла прокормить и себя, и своего брата.

Арония. Как несправедливо были устроены законы страны. Работать с семнадцати запрещено. Зато не запрещено забирать сорок процентов налогов с зарплаты каждого во благо государства и армии. А еще не запрещено забирать первенцев мальчиков на обязательную военную службу. Двадцать пять лет на службе, какого? Миди боялась того момента, когда за Джонни явились бы люди в форме. Оказалось, что зря.

Сердце вновь сжалось от боли. Каждый раз, вспоминая Джонни, горечь сожалений разливалась по её телу. Год назад братишка подхватил пневмонию и скоропостижно скончал-

ся.

Пока брат был жив она знала, ради чего существует на этом свете, но, потеряв Джонни, Медея потеряла свое сердце. Она осталась одна.

Теперь можно было ехать куда захочешь. Теперь ее никто не держал, но она все еще здесь. Все еще в Сэттлбурге. Прошли времена, когда она планировала много путешествовать и изучала карту страны. Забылись мечты увидеть море на юге и лавандовые поля на западе. Стёрлись смелые фантазии о том, чтобы побывать в соседней стране Аместрис. Всё забылось, потому что не имело больше смысла.

Она все так же жила в старом доме и ходила на кладбище к своей семье. Почти каждый день девушка навещала своих родителей и братика.

Убирая со стола грязные тарелки, Медея услышала, что среди комиссии ожидается сам Константин Кэрроу.

«Вот это да, – пронеслось у нее в голове, – неужели сам алхимик прибудет сюда?» Медея ни разу не видела алхимиков вживую. Эти люди были весьма редки. Лишь только у кого-то открывался дар к алхимии, его тут же принимали в столичную Академию и брали на крючок. Все они служили на государство, их обрабатывали с самого раннего детства, делая из них сторожевых псов власти.

Миди теперь не любила централ, не любила власть, не любила Армию. Алхимики, насколько она знала, служили Армии до самой смерти, так же, как служили и её родители.

– Странно, что самого Константина заслали сюда, – говорил мужчина за столом. Мистер Кэрроу был одним из самых выдающихся алхимиков своего времени. – Не иначе как за пропажами кроется ещё что-то.

Их маленький городок, наконец, ожидают изменения.

Вскоре старик Томас, сообщил ей, что Люси, сменщица, сегодня не пришла, а потому Медее придётся остаться на вторую смену. Многозначительный взгляд и нарочито тяжёлый вздох не возымели на хозяина бара никакого эффекта.

Отказать Томасу было невозможно, ведь он поддержал её несколько лет назад. Медея задумалась о том, почему именно отсутствовала её подруга. «Нужно навестить её после работы».

Вторая смена заканчивалась в восемь вечера. Медея валилась от усталости. Комендантский час начинался с девяти, а дом Люси был совсем недалеко. Она должна всё успеть.

Девушка быстро попрощалась с владельцем бара и поспешила выйти на улицу. Сэттлбург был таким, как и всегда: маленьким, тихим, почти сонным городком. До столицы на поезде было около четырёх часов.

Медея и Люси были одного возраста и дружили с самого детства. После смерти их с Джонни родителей, мама и бабушка Люси стали для них единственной поддержкой.

Медея очень скоро подошла к дому с жёлтой крышей. Ветер развеивал её светлые волосы. Холодало. Определено, нужно было одеться потеплее. Осень набирала силы. Впереди

ожидалась долгая снежная зима.

Медея постучала в дверь и, наконец, услышала шаги. Ей открыла мама Люси – Доротея Лэтовэй. Женщина была очень расстроена, на глазах её стояли слёзы. «Ясно-понятно, предчувствие не обмануло».

Доротея пригласила гостью войти и налила ей чай.

– Люси пропала, не так ли?

– Да, милая, боюсь, что именно так.

– Вы заявляли в полицию?

Доротея лишь покачала головой.

– В полиции говорят, что я обратилась слишком рано. Люси молода, они сказали, вероятно, девчонка просто гуляет с друзьями.

– Вот сволочи, им лишь бы не работать. Столько людей пропало, а они всё пинают... – Медея остановила себя вовремя, – всё прохлаждаются.

Шесть лет работы в баре не прошли бесследно. Порой она ругалась как парни с завода после тяжелой смены.

– Они там все на ушах, Миди. Бегают с папками, с документами. Они жутко боятся комиссии.

– Вот как раз комиссии на них и не хватало.

Девушка успокаивала маму своей подруги как могла.

– Доротея, я уверена в том, что завтра вы должны опять пойти в полицию. Когда приедет комиссия, они не смогут вот так от вас отмахнуться.

– Да, но комиссия ещё не приехала. Почему они так за-

держиваются, не понимаю? Каждый час может быть решающим для моей Люси.

Женщина начала плакать.

– Прошу, успокойтесь, Доротея. Надо верить в лучшее.

– Тебе пора идти, скоро начнётся комендантский час.

Это было верно. Платить штраф денег не было. Девушка вышла из дома и направилась к своему. Ускорила шаг, почти побежала, но, оказавшись у ворот кладбища, остановилась.

Из-за того, что сегодня пришлось работать во вторую смену, она не успела навестить родителей и братика. Медея делала это каждый день, это стало для неё особым ритуалом, и сейчас, смотря на стрелки часов, она обдумывала, успеет ли забежать хоть на минутку к своей семье.

На улицах никого не было, и стало совсем темно. Как сказала Доротея, комиссия ещё не приехала. «Местная полиция сидит у себя в участке и готовится к визитам ревизоров. Вряд ли они сейчас будут рыскать по улицам в поисках нарушителей комендантского часа. Думаю, если я задержусь минут на десять, ничего страшного не случится.»

Медея зашла в кованую ограду и быстрым шагом прошла мимо могильных плит. Очень скоро она дошла до трёх серых камней. На каждом из них лежал венок из цветов. Она приносила цветы каждый день. Это были обычные полевые ромашки, сорванные по дороге.

Девушка смотрела на камни, погружаясь в тягучую меланхолию. Эта её привычка, сначала наполненная острой горе-

чью, за год посещений стала приносить ей даже некоторое облегчение. Три могильных плиты, совсем простых. Денег на похороны не было и если бы не мама Люси, то даже такие плиты было бы не поставить.

«Джон и Лея Стрэйт. Военные врачи. Погибли при исполнении.»

«Джонни Стрэйт. Спи спокойно, братик.» – плиту для брата Миди оплатила сама. Взяла тогда в долг у старика Томаса. Вернула через полгода. После смерти всех, кто был дорог, ей не на кого было тратить деньги.

«Неужели Люси тоже пропала навсегда?»

Медея горько улыбнулась. Лучше бы это она пропала. Никто бы не стал её искать, никто бы не стал жалеть о её исчезновении. Ей и самой иногда хотелось исчезнуть из этого мира. Зачем она живёт? Кажется, жизнь её продолжалась лишь по инерции.

От горестных мыслей девушку отвлекла внезапная вспышка света. В Сэттлбурге темнело очень быстро, на кладбище освещения почти не было, а потому вспышка справа привлекла её внимание. Медея посмотрела в темноту, но больше ничего различить не могла. Внезапно вспышка вновь озарила пространство вокруг, освещая надгробные камни. Миди пошла в сторону света.

Девушка проходила мимо могил, стараясь не шуметь, и очередная вспышка света осветила одну из надгробных статуй. У статуи она увидела силуэт человека.

Он стоял у большого надгробия, слегка склонившись над ним. Медея разобрала то, что человек стоял в начерченном на земле круге, и вокруг него воздух разрывали искры света. Эти вспышки электрических разрядов сияли всё чаще и освещали фигуру незнакомца. Он был в тёмном плаще. Лица его было не разглядеть.

Миди поняла, что перед ней алхимик. Она впервые видела алхимию своими глазами. Земля у могилы начала расступаться сама собой, и человек посмотрел внутрь. Вспышки света всё ещё сияли вокруг него, но постепенно стали затухать.

– Так и есть, – услышала голос незнакомца, – пуста.

Земля над могилой снова стала прежней, а человек внезапно очень резко повернулся и посмотрел прямо на неё.

Медея замерла. Он её заметил. «Чёрт побери, только этого мне не хватало». Человек на кладбище, ночью, алхимик, который заглядывает в чужие могилы. Всё это явно было не к добру, а потому она не придумала ничего лучше, как развернуться и побежать прочь.

– Стой! – крикнул он.

«Ага, сейчас», – подумала девушка.

Миди уже мчалась прочь от незнакомца, как перед ней внезапно выросла стена из камня. Медея почти врезалась в неё. «Что за чёрт?» Попыталась побежать вправо, но вновь стена преградила ей путь. Метнулась влево и снова упёрлась в преграду. Пришлось медленно обернуться.

К ней неспеша шёл алхимик. «Бежать некуда, – пульсировала мысль, – я заперта с трёх сторон каменной стеной, которая просто появилась из ниоткуда».

Незнакомец внимательно оглядел её с головы до пят:

– Что ты здесь делаешь?

Медея тоже изучала его.

– Я навещаю своих родных.

Теперь она разглядела его лучше. Средних лет, высокий, широкоплечий. Ей показалось, что глаза у него почти черные, особенно на контрасте с бледным лицом. На лице же, слева, белел длинный шрам, идущего вниз прямо от глаза до подбородка. Бледный рубец был старым, полностью зарубцевавшимся, тонким, но весьма заметным. Этот белесый шрам был похож на след, словно капля слезы навсегда печаталась в кожу и застыла во времени.

– Я вынужден вас арестовать, – между тем произнес он.

– Представьтесь, пожалуйста, – Медея вдруг вспомнила о своих правах. Ведь если он хочет её арестовать, значит, должен быть представителем властей как минимум.

Незнакомец чуть усмехнулся и достал из внутреннего кармана плаща металлический круг с алым рубином внутри. Миди знала, что это значок государственного алхимика.

– Кэрроу. Государственный алхимик, Константин Кэрроу.

Медея удивилась, услышав имя. Так вот тот самый алхимик, о котором ходило так много слухов. О котором она так часто читала в газетах. «Черт побери, я думала, ему за сорок.

Этот же явно моложе.».

Алхимик тем временем достал наручники и стал подходить к ней:

– Разберемся с вами в участке, юная леди, – он взял ее руку, намереваясь надеть металлические браслеты.

Яркая вспышка озарила пространство вокруг. Медея вздрогнула от неожиданности и замерла. Этот свет при соприкосновении их рук напоминал что-то вроде искры, которая почти сразу потухла. Оба замерли.

Он смотрел на нее внимательно пару секунд, а потом спросил:

– Что ты, говоришь, здесь делаешь?

– Навещала родных.

– Покажи-ка мне их могилы, – голос его обрел какой-то угрожающий тон. Однако больше он не прикасался к ней.

Медея обернулась на стены из камня, как бы намекая на то, что показать могилы никак не может. Константин вернулся к начерченному на земле кругу, присел, дотронулся до него рукой, и каменные стены, окружавшие Медею, растворились, словно их и не было. Удивительное дело – наблюдать за алхимиком. Константин провел ногой по земле, избавляясь от круга.

«Преобразовательный круг, тот, без которого алхимики не могут совершить ничего-ничего».

– Идем? – спросил с легкой насмешкой. – Путь открыт.

Девушка отвела его к могильным плитам родных, раз-

мышляя, что же он будет делать. А еще ей было интересно, что за вспышка была, когда их руки соприкоснулись. Может, он хотел что-то сделать? На что вообще способны алхимики?

Кэрроу, посмотрев на каменные плиты, наклонился к одной из них и начертил небольшой круг на земле.

– Что ты делаешь? – Медея вдруг испугалась, что он также откроет землю над могилой ее родных.

– Тсс...

Круг начал светиться, алхимик проводил преобразование. Земля слегка затряслась, но потом все стихло.

– Ну, хорошо, – сказал он, вставая и вновь смотря на девушку, – допустим, про семью я верю. Но ты всё равно проследуешь в участок.

– Почему? – Медее не хотелось общаться с полицией, так же как, впрочем, и с представителями власти в лице алхимика.

– За нарушение комендантского часа?

Она огляделась, оценивая свои шансы сбежать. Константин произнёс с усмешкой:

– Неповиновение приказу государственного алхимика?

Девушка взглянула на него.

– Ты же не забыла про стены? – добавил алхимик.

О нет, она не забыла про то, что он может воздвигать стены из ничего.

– Ну хорошо, – пришлось согласиться.

– Прошу, – произнёс он. – Ты же знаешь, где у вас уча-

сток? Вот и проводишь меня туда.

Медея повернулась и побрела к выходу из кладбища. Какой-то сумбур творился у нее в голове: «Может вместо участка проводить его до оврага и столкнуть туда? Заманчиво. Трудновыполнимо.»

Она мельком взглянула на мужчину. «Наручники свои так и не надел на меня. Вообще не стал касаться больше. Была ли причиной та самая искра, возникшая при соприкосновении наших рук?»

До участка шли около двадцати минут и всё это время молчали. Медея думала о том, что именно алхимик здесь делает. Такая важная птица. Здесь явно что-то не так.

Об этом же думал и Константин Кэрроу. В этом городке явно что-то не так. Люди пропадают без следа. Как и боялся, почти треть могил на кладбище пусты. Кто-то ворует останки мёртвых. Живые люди и останки из могил. Плохая комбинация.

Константин уже читал подобные рапорты. В нескольких городах творилось то же самое. Проводить преобразования над человеком строго запрещено, но всегда найдутся психи, готовые экспериментировать. Те, кто не следуют правилам алхимии, преследуются по закону, и в этом городке явно есть тот, кто должен быть арестован. Именно за этим его направили сюда: вычислить незарегистрированных алхимиков, избавиться от врагов государства.

Те, кто ставят опыты над людьми, животными или мёрт-

выми, – все они должны быть наказаны. Константин надеялся, что прошли те времена безумств алхимиков, но, видимо, спокойно было лишь в столице, а города поменьше стали приютом для всех диссидентов.

Жителям грозит опасность. Да и сами жители Сэттлбурга преподнесли сюрприз... Одинокая девушка на кладбище, от прикосновения которой произошла спонтанная реакция преобразования. Без круга.

Такое он видел лишь раз в своей жизни.

Handwritten symbols and text, possibly representing alchemical or magical formulas.

Пример алхимического круга

1. Равноценный обмен
2. Первичность материи
3. Круг преобразования

Преобразование 2

– Константин Кэрроу, ты исправно служил нашей стране. Твоими стараниями в столице почти не осталось преступности...

Начальник центральной полиции не скупился на комплименты. Перед тем как отправить его в Сэттлбург, он выдал внезапное повышение. Начальник сообщил, что, по данным разведки, в городе орудуют незарегистрированные алхимики. Возможно, в городе присутствуют и остатки сопротивления.

Константин знал о сопротивлении почти всё. Основные силы его были разгромлены несколько лет назад в военном противостоянии. Остатки бежали и скрылись.

Пару лет назад Константин был допущен к первому уровню секретности. Это означало, что любая государственная тайна не являлась более тайной для Кэрроу.

Константин и его команда тогда триумфально разгромили и победили в схватке главу сопротивления, чем заслужили благодарность и личное одобрение президента. Самый высокий уровень секретности открывал перед ним все двери.

Константину было приятно осознавать, что он являлся первым алхимиком, не достигшим тридцати лет, допущенным до такого уровня секретности. Но вот то, что этот уровень открыл, порадовало его намного меньше.

Ещё в академии он был отличником и прекрасно знал все законы алхимии. Главный из них – закон о равноценном обмене – был практически высечен у него в памяти. Закон о том, что любое преобразование требует наличия алхимического круга. Начерти его чем угодно, на чём угодно, любого размера, но без него никак. Одни элементы можно преобразовать в другие, но невозможно создать что-то из пустоты. Так он думал до того момента, как получил первый уровень секретности.

Теперь Константину был открыт доступ к документам и экспериментам, проводимым под грифом «секретно». Из этих документов удалось узнать об Узнике номер Шесть. Его папка была самой пухлой, и с неё он начал свои исследования, и на этой папке он застрял больше чем на год.

Узник номер Шесть. У него не было даже имени. На видео-плёнке Константин наблюдал безумные кадры допросов. Узник номер Шесть был непоколебим. В нём Константин увидел то, что потрясло до глубины души. Узник Шесть был алхимиком, который мог проводить преобразования без круга.

Судя по данным, по записям, он мог совершать преобразования в любой момент. Узник Шесть был заключённым в государственной тюрьме, а потом и подопытным в гослаборатории. Над ним проводили бесчеловечные опыты. Это противоречило законам страны, но то, что делается в тени, остаётся в тени. То, что делается во благо государства, может

противоречить законам. Цель оправдывает средства.

Так ему сказал сам президент. Что касается узника Шесть, то ему удалось сбежать. Он был редкой птицей. Единственной, как думалось Константину. Но, как оказалось, нет.

В Сэттлбурге была ещё одна такая птичка. Он взглянул на девушку, идущую чуть впереди него. Та искра, возникшая при касании к её руке, была всплеском силы. Такого раньше никогда не возникало. Это явление необходимо изучить.

Всю ночь Медея провела в участке. Совершенно одна, в тесной комнате, теряясь в догадках. Единственное, что радовало, это присутствие окна в комнате, через которое она видела, как всю ночь мимо пробежали работники полиции. Все бегали как ужаленные, пытаясь угодить прибывшему ревизору.

Константин Кэрроу изучал рапорты и опросы свидетелей. Ему предоставили все данные на пропавших. Константин отчитывал местную полицию за то, что документов преступно мало. Местная полиция пыталась не упасть в обморок от напряжения.

Младший лейтенант застал своего напарника, копающимся в шкафу в поисках очередных документов.

– Этот Кэрроу, – сказал его напарник, увидев друга, – он слишком молод.

– Ага, видел я его рожу. Молодой и наглый.

– А ты видел его перчатки? Боевые, – как-то даже с завистью сказал напарник.

– То есть?

– Ну, ты заметил, на них нарисованы преобразовательные круги. В таких перчатках алхимик может совершать преобразования в любой момент.

– А, ну да. А что он в них здесь-то делает? Тут все свои.

– Может, он так не думает?

Кэрроу тем временем изучал дела пропавших. Когда он увидел здание участка, его продёрнуло. Внутри было еще хуже. Он не мог отделаться от мысли, что все вокруг дряхлое, пыльное, грязное. Папки с документами, а на них какие-то масляные пятна бог весть от чего. Преступно содержать отчеты в подобном виде. Он натянул перчатки просто, чтобы не прикасаться кожей ко всем этим засаленным бумажкам.

Вскоре попросил дать ему и всю информацию на девушку, что привёл с собой. На Медею Стрэйт ничего не было, но ему рассказали её нехитрую историю. Капитан полиции знал о девчонке все. То, что он поведал, совпадало с тем, что говорила сама девушка. Да, она действительно была обычной жительницей захолустья, никогда не проявлявшей никаких способностей к алхимии. Быть может, ошибся? Может, тот всплеск алхимической силы был его собственный? Необходимо было это проверить.

Дверь отворилась, и на пороге Медея увидела высокую фигуру в тёмном плаще. Кэрроу вошёл, затворив за собой дверь, и сел напротив неё за стол. Она ждала, что же он скажет. Ей безмерно хотелось покинуть уже этот вонючий ка-

бинет.

Константин изучал её с минуту. Среднего роста, светлые волосы, серые глаза, веснушки на носу. Милая мордашка. Взгляд только слишком дерзкий. Кэрроу знал теперь, что ей двадцать. Знал, что семьи нет, что работает в баре и что недавно у неё пропала подруга и коллега по работе Люси.

– Что вы знаете о пропавших?

Медея услышала его голос и слегка вздрогнула. «Чёрт, как не люблю я военных. От них холодеет внутри».

– Я близко знаю только Люси. Мы подруги. Она пропала вчера. Не пришла на работу.

Алхимик не отводил взгляд и словно препарировал её. Кажалось, он хотел докопаться до самых глубин ее души.

Молчание.

– Я была вчера вечером у её матери, Доротеи. Та сообщила, что Люси ушла с утра в библиотеку и не вернулась.

– В библиотеку, – повторил задумчиво. – Не знал, что у вас есть библиотека.

– В Сэттлбурге был и филиал университета раньше, – Медея не смогла не ответить колкостью, – если бы власти центра поддерживали такие городки, как наш, то...

– То тут была бы всё та же дыра, – договорил алхимик.

«Вот гад». Девушка всё больше презирала его, словно в этом человеке предстала перед ней вся власть столицы.

– К теме, – приказной тон алхимика бесил, – почему Доротея не обратилась в полицию?

Кэрроу отметил, что девчонка саркастически приподняла бровь.

– Обращалась, господин алхимик, да только полиции плевать. Они лишь жрут круассаны да шлюют поддельные отчёты в столицу. А вы и рады.

– Попрошу вас, мадам. Вы говорите с представителем власти.

– Вот и наша полиция в ожидании представителя власти совсем забыла о своих обязанностях.

Константин сверлил девчонку взглядом. Обычно люди павсали перед ним. Статус государственного алхимика, его сила, доступ к первому уровню секретности – всё это делало его неуязвимым к грубости. Но, видимо, не здесь. Девчонка и не думала выказывать уважение.

– Так, – лучше сменить тему. «Понятно, что у мисс Стрэйт претензии к властям, но мы здесь не за тем», – ваша семья, Медея. Как они погибли?

«Ага, в душу залезть захотел, хрен тебе».

– Господин алхимик, я задержана? За что меня держат здесь, как преступницу? За нарушение комендантского часа положен штраф и только. У вас есть ещё что-то, что мне предъявить?

«А она смелая. Однако дел ещё хренова куча, поэтому, и правда, нет смысла собачиться с ней» подумал Кэрроу.

– Нет, мадам. Вы можете быть свободны.

Он начал снимать перчатки с рук. Оставалось проверить

самое главное. То, ради чего, собственно, он и притащил её сюда.

Медея смотрела на то, как алхимик снял перчатки. На них были начерчены преобразовательные круги. А на кладбище он был без них...

– Дайте руку, – сказал Константин и протянул свою руку ладонью вверх.

Медея смотрела на него с недоверием. Рука его спокойно лежала на столе. Она вспомнила ту искру на кладбище. Что он пытается сделать?

– Давай, – взгляд его был напряжён. Он ждал, чем закончится их второе касание.

Медея протянула руку и замерла, почти дотронувшись до него. В этот момент паузы он сам поймал её за руку и крепко сжал. Костяшки её пальцев побелели, было больно, но ничего не произошло. Кэрроу помедлил секунду в ожидании. Ничего. Тогда он второй рукой накрыл её руку. Опять ничего. «Ну что ж, – почти с сожалением отметил про себя алхимик, разжимая свои руки, – на нет и суда нет».

Медея вытянула руку из его капкана и потёрла пальцы. «И чего было так сжимать?»

– Можете идти.

Он встал и вышел из кабинета, оставив дверь открытой.

Преобразование 3

В городе Сэттлбург была лишь одна гостиница. Именно в неё и направился алхимик Константин Кэрроу. Было утро, занимался рассвет, первые люди стали появляться на улочках городка.

Гостиница была именно такой, какой и представлял её себе Константин: старой, убогой развалиной. Номер он выбрал на третьем и последнем этаже – самый большой и наименее уродливый из всех. Гостиница была пуста. Он был единственным посетителем и заранее зарезервировал за собой ещё три соседних номера. Собственно, выходило, что за ним был весь третий этаж. Через пару дней к нему должна была приехать его команда, и это была единственная вещь, которая радовала.

Свою команду Константин создал несколько лет назад, отобрав в неё самых выдающихся людей, которых только смог найти в своём окружении. Их было всего трое, но каждого он ценил на вес золота.

Младший лейтенант Сандра Лэсли была прекрасным механиком, разбиралась в технике, могла починить всё, что угодно, а ещё она была превосходным стрелком. Ещё будучи студентом, Кэрроу познакомился с ней в академии. Она была на два курса старше него, училась на параллельном потоке, и именно она помогла ему обучиться стрельбе.

Сандра была действительно одарённым снайпером. Ни раз спасала ему жизнь, а в последнюю заварушку, где им пришлось втроём отбиваться от целого отряда сопротивления, она практически пожертвовала собой ради него.

Константин не знал, чем заслужил такую преданность Сандры, но пытался отплатить ей тем же сполна. Сам много раз спасал её из разных передряг.

Ещё двое незаменимых ребят, без которых Константин не мыслил свою службу.

Кевин Стоун, силач, огромная груда мышц. Гора-Кевин, как его прозвали в армии, отличался недюжинной силой. Этот великан способен один повалить десятерых бойцов. Кевин Стоун был предан Константину с того самого момента, как тот спас его маленькую сестричку от негодяев в одном из переулков ЦОГА. В те времена силы сопротивления ещё активно чинили беспорядки, устраивали диверсии. Под шумок преступники делали все, что хотели, и в столице было неспокойно.

Ну и наконец, третий человек, которому Константин доверял как себе, – талантливый Винсент Вэро. Винсент отличался тем, что мог проникнуть куда угодно и когда угодно. Он мог перевоплощаться в любых людей, имея при себе лишь пару париков и накладных усов. Винсент мог влиться в любую компанию и был превосходным шпионом.

Такая вот нехитрая команда, но Кэрроу гордился ими и считал их своей семьей. Совсем скоро они должны были при-

ехать к нему в Сэттлбург.

Проворочавшись на кровати и проспав не более трех часов, Кэрроу поднялся. Он сменил рубашку и вновь надел черный плащ. «Чертово захоlustье, – думал он, – даже не уверен, что кровать, в которой я спал, не кишит клопами. Чем мучиться на чертовом матрасе, лучше займусь-ка делом».

Этим утром он намеревался навестить Доротею Лэтовэй, мать пропавшей Люси. Необходимо было поговорить с женщиной и узнать больше деталей о ее дочери.

Дом семьи Лэтовэй находился совсем недалеко от гостиницы. Подойдя к нему и осматривая с некоторым отвращением потрескавшиеся коричневые стены, Константин вдруг услышал вскрик. Это был слабый вопль женщины, доносившийся изнутри дома. Кэрроу быстро натянул боевые перчатки и побежал ко входу. Дверь оказалась не заперта. Он напрягся как струна и отворил дверь, предчувствуя что-то нехорошее.

Пройдя через пустой коридор, увидел гостиную. На полу лежала женщина, нога ее была сломана. С ужасом она смотрела на того, кто возвышался над ней. Незнакомец обернулся к Константину, и хищная улыбка проскользнула по его лицу.

– Вы арестованы, – Кэрроу знал, что хрена лысого этот тип сдастся добровольно.

Незнакомец улыбнулся шире, показав хищные белые клыки, и кинулся на алхимика.

Константин щелкнул пальцами, и разряд молнии пронзил воздух. Он ударил прямо в нападающего, но, к удивлению алхимика, тот и глазом не повел. Незнакомец стал наносить удары один за одним с невероятной скоростью. Кэрроу отбивался, ставил защиту, блок за блоком. «Этот человек не так прост». Скорость его была очень высока, удары сильны. Разряды молний не действовали на него. Обычно люди как минимум падали от электрического разряда Кэрроу.

Незнакомец продолжал наносить удары, и один из них пришелся прямо в челюсть алхимика. Голова загудела. Кэрроу решил, что пора действовать во всю силу, и вновь щелкнул пальцами, вызвав несколько молний подряд. Увернуться от всех разрядов незнакомцу не удалось, парочка попала точно в него, но вновь не сбила его с ног.

Незнакомец и не думал устать, продолжая нападать. Константин был рад, что никогда не бросал тренировок, а потому удар держал, пару раз заехав ублюдку в морду.

«Да кто же он такой?» Подобной скоростью обладали лишь химеры. Но создание химер запрещено законом. Значит, в этом городке точно кто-то проводит эксперименты.

Следующий удар Константин пропустил. Удар с разворота, прямо в грудь. Острая боль охватила всё его солнечное сплетение. Он упал, пытаясь восстановить дыхание. Невероятная сила! Ублюдок бил по ребрам, и алхимик чувствовал, как они ломались.

Незнакомец вдруг остановился, а потом бросился к жен-

щине. Он намеревался доделать то, зачем пришёл сюда. Та уже была у входа в коридор, но ещё не успела выйти из дома. Переломанная нога и страх замедляли её. Он почти догнал свою жертву, как перед ним возникла каменная стена. Константин вновь преобразовал материю пола и воздвиг преграду.

Это не смутило нападавшего, он легко разбил препятствие ногой. Константин уже поднялся и следовал за ним, всё ещё поражённый силой и скоростью этого персонажа. Эта химера, определённо, и самая сильная из тех, с кем ему довелось встречаться за свою службу.

Несколько электрических разрядов вновь прорезали пространство, и вновь химера увернулась, словно предчувствуя, куда ударят молнии.

Константин накрыл его градом из камней, что остались от разбитой стены. Химера оказалась почти похороненной под ними. Константин обошёл камни и огляделся в поисках женщины. Доротея была почти у двери. Гора из обломков рассыпалась, и химера вновь стояла перед ним, как ни в чём не бывало.

Они смотрели друг на друга:

– Неужели власти наконец обратили свой взор на простых смертных? – заговорил незнакомец.

– Ты ли простой смертный? – Константин не сводил с него глаз.

– О нет. Я совсем иное.

Дверь скрипнула, и нападавший молниеносно оказался у выхода, схватив женщину за горло. Доротее почти удалось выбраться, пока они были заняты разговором, но чертова химера нагнала её в самый последний момент. Константин уже приготовился щёлкнуть пальцами и поджарить ублюдка, как тот произнёс:

– Пронзишь молнией и старушку?

Алхимик медлил, прикидывая шансы, а химера мерзко улыбалась. Кэрроу услышал хруст шеи женщины и увидел, как тело её обмякло и упало вниз.

– Долго думаешь, алхимик, – сказал чертов ублюдок и выбежал из двери.

Корить себя за промедление Константин решил по дороге и кинулся за нападавшим. «Чёрт возьми, не уберёг свидетеля!» – неслись мысли в его голове. Алхимик выбежал на улицу и увидел, как химера уже сиганула на крышу дома и быстро бежала по ней. Кэрроу создал тысячи игл, и те полетели во врага. Они втыкались в него, но тот и не думал останавливаться.

Вскоре убийца скрылся за очередной крышей дома. Константин всё бежал по улицам, пытаясь догнать его, но тщетно. Тот как испарился. Ребра алхимика гудели, боль потихоньку начинала застилать всё сознание. «Что же это за неуловимый тип?» – думал государственный алхимик. «Отделал меня, как первокурсника».

Как только Медея пришла на работу, старик Томас, прожужжал ей все уши о происшествии. Оказалось, что этим утром алхимик столкнулся с неизвестным врагом у дома миссис Лэтовэй. Медея, к горькому сожалению, узнала о том, что Доротея мертва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.